

В. С. Елистратов¹

РУССКИЙ ЯЗЫК НА СТЫКЕ «ЖЕЛЕЗНОГО» И «ЦИФРОВОГО» ВЕКОВ

Каждая лингвокультура (русская, французская, японская и т. д.) может рассматриваться, если воспользоваться в рабочем порядке биологической терминологией, *онтогенетически* и *филогенетически*. То есть анализируются ее отдельное, индивидуальное развитие или развитие в максимально широком контексте мировой лингвокультуры — и пространственном, и временном.

Эти термины достаточно часто употребляются в социолингвистике. Но мы говорим об ином ракурсе проблемы.

Итак, онтогенез лингвокультуры, с точки зрения лингвокультуролога, — это ее развитие как таковое. Лингвокультура исследуется как индивидуальный феномен на данном отрезке времени ее «жизни», изучаются ее происхождение, развитие, иногда — гибель. Здесь, разумеется, можно (и нужно) изучать взаимодействие данной лингвокультуры с другими языками и культурами. Например, русская лингвокультура знала сотни взаимодействий с другими лингвокультурами — от угро-финских и греческой до французской и американской. Все это элементы ее онтогенеза.

¹ Профессор кафедры лексикографии и теории перевода факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор культурологии, заслуженный профессор МГУ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Словарь московского арго», «Словарь русского арго», «Толковый словарь русского сленга», «Арго и культура», «Язык старой Москвы», «Словарь языка Василия Шукшина», «Трактат про таракана», «Словарь крылатых слов (русский кинематограф)», «Словарь крылатых фраз российского кино», «Нейминг: искусство называть» и др. Автор стихотворных сборников «Московский Водолей», «По эту сторону Стикса», «Духи мест», сборника юмористических рассказов «Тю! или Рассказы русского туриста». Публицист, переводчик. Член Союза российских писателей.

Мы знаем, к примеру, что в русском языке много тюркизмов, галлицизмов или американизмов. Мы можем сравнивать механизмы этих заимствований, историко-культурные условия, в которых они происходили. На основании данных исследований лингвисты и лингвокультурологи могут выстраивать гипотезы и делать выводы: о том, что американизмы будут «переработаны» русской лингвокультурой, как они «переработали» и освоили в свое время тюркизмы, или наоборот — что в условиях современного информационно-цифрового общества, в корне отличающихся от условий того, «примитивно-феодалного», русский язык и русская культура совершенно беззащитны и будут поглощены «черной дырой» Интернета. Гипотез и выводов может быть бесконечное количество, и они могут быть диаметрально противоположными. Но все эти построения будут в конечном счете именно онтогенетическими.

Лингвокультурный филогенез подразумевает освещение эволюции всей мировой лингвокультуры, и контекст в данном случае должен быть максимально широким.

Отметим, что филогенез языков, филогенез культур и филогенез лингвокультур — связанные друг с другом, но далеко не однородные процессы. В каждом конкретном случае мы имеем совершенно индивидуальную комбинацию факторов, и вывести некую интегральную формулу крайне трудно, а может быть, и невозможно, по крайней мере на данном этапе развития гуманитарного знания.

И все же, на наш взгляд, наибольшего успеха можно достичь, если попытаться сочетать максимально

«конкретный», «узкий» онтогенез с максимально «широким» филогенезом.

Примерно так: есть некое конкретное состояние русской лингвокультуры начала второго десятилетия XXI века с ее офисным сленгом, сленгом гопников, забором матизмов, компьютерными смайликами и т. д. И есть многотысячелетняя история мировой лингвокультуры с ее каменным, медным, бронзовым и железным веками. Казалось бы, это слишком разные измерения. Одно — конкретно-лингвистическое, другое — можно сказать, метафизическое, историческое. Но «бывают странные сближенья», как сказал поэт.

Начнем с того, что железного века никто в общем-то пока не отменял. После так называемого бронзового коллапса XII–XIII веков до нашей эры начинается интенсивное вытеснение «железом» «бронзы» и, соответственно, если называть все своими именами, более примитивными, но более сильными «железными культурами» культур «бронзовых» — более изысканных, тонких, развитых, но «слабых».

Нас, конечно, интересует не бронза и железо, а то, что в дальнейшем, после долгого развития, именно эти «железные лингвокультуры» создали в разных уголках земного шара те сакральные корпуса текстов, которые до сих пор являются основанием человеческой цивилизации. «Бронзовый коллапс» сменяется «осевым временем» (знаменитый термин К. Ясперса), временем деятельности Сократа, Будды, Лао-цзы, Конфуция, создания значительной части «Танаха», «Илиады», «Одиссеи», «Махабхараты» и так далее, а затем — появления христианства с полным текстом Библии и ислама с Кораном.

С известной долей условности, но, как нам кажется, с полным основанием можно утверждать, что *всё*, что было написано и сказано далее, вплоть до современных рок-текстов или переписки пользователей Интернета в соцсетях, есть не что иное, как гигантский корпус «комментариев-интерпретаций» сакрального «первокорпуса».

В первую очередь речь идет о сакральных текстах трех мировых религий. Во всех лингвокультурах, принявших эти три религии со всеми их многочисленными ответвлениями, изводами, вариантами, как канонически-религиозно-философскими, так и полужызычными-народными, существовали некие особые сословия. Сначала это были языческие жрецы, затем — священники. Но, кроме того, жреческо-священническую функцию в светском обществе выполняла особая культурная прослойка, которая в русской традиции стала именоваться интеллигенцией. Мы не будем в данной короткой статье вдаваться в споры о сущности русской интеллигенции: этот вопрос слишком сложный и запутанный. Позволим себе сослаться на авторитет академика Д. С. Лихачева¹, изложившего свою позицию просто, но вместе с тем очень глубоко и убедительно.

Для нас важна мысль о том, что в любой лингвокультуре есть нечто подобное русской интеллигенции. Это люди, не обязательно относящиеся к христианско-

му, буддийскому или исламскому духовенству, которые являются носителями системы знаний и ценностей, содержащихся в сакральном «первокорпусе» человечества, утвержденном, как уже было сказано, в железном веке.

Что произошло дальше? Ровно в той последовательности, в какой эти религии возникали (буддизм—христианство—ислам), в их «недрах» зародились некие особые направления, при всем их различии имеющие глубинные, можно сказать, онтологически общие черты.

В V–VI веках в Китае возник чань-буддизм, распространившийся в ряде регионов и получивший законченную специфическую форму в Японии в XII веке (дзен-буддизм). Через четыре века после появления дзен-буддизма, в XVI веке, в Европе была проведена реформа Лютера. А еще через два столетия, в XVIII веке, возник исламский ваххабизм (салафиты).

Дзен-чань, протестантизм и ваххабизм имеют, помимо прочего, одну общую черту: они резко отрицают обязательное «посредничество» между высшими ценностями (Богом, благодатью, высшей истиной, путем к нирване — как угодно) и данным конкретным человеком. Иначе говоря, они по сути отрицают «жреческо-священническую» функцию особого сословия и дают полную свободу любому человеку самому «вникать» в сакральный текст, интерпретировать и «комментировать» его².

Конечно, в этой «тройке» ваххабизм — как наиболее «молодой» феномен, возникший и развивающийся на фоне мощного исламского радикализма, — несколько специфичен. Но в нем заложены те же «онтологические семена», что и в чань-дзен, и в протестантизме. Надо только подождать, пока они взойдут.

Основное лингвокультурологическое следствие реализации установок «дзен-протестантизма» — частичная, а затем и полная *десакрализация* лингвокультурного сознания. То же в конечном счете рано или поздно ждет и салафитов-ваххабитов (хотя сейчас на это не похоже). Но вспомним религиозное направление, связанное с именами Лютера, Кальвина, Цвингли и др.

Протестантская этика так называемых бапов («белых английских протестантов») в конечном счете привела к полностью антисакральной идее «брендинга-нейминга», суть которой заключается в том, что имя, слово, язык есть в первую очередь (и только!) товар³. Дзен же стал преимущественно этической доктриной.

И неслучайно удивительный, но вполне закономерный союз дзен и протестантизма возник во второй половине XX века, когда религиозно-эстетическая доктрина дзен вдохновила коммерсантов-протестантов Запада, принявших дзен-буддизм (Джобс, Гейтс и др.), на создание индустрии персональных компьютеров⁴, что собственно и открыло принципиально новую для мировой лингвокультуры эпоху — цифровую. Сама по себе «цифра» (новые информационные технологии),

² См. об этом подробнее: Елистратов В. С. Массовая культура: жрецы, певцы и бренды // Нева. 2012. № 2.

³ См. об этом подробнее: Елистратов В. С., Пименов П. А. Нейминг: искусство называть. М., 2013; Елистратов В. С. Нейминг-трейдинг-балалайкинг // Знамя. 2012. № 2.

⁴ См. подробнее: Елистратов В. С. Интернет-нирвана Стива Джобса // Октябрь. 2012. № 2.

¹ См., например, его знаменитую статью 1993 года «О русской интеллигенции» (Новый мир. 1993. № 2).

разумеется, не является злом. Она есть следствие демографического взрыва, начавшегося в XVIII–XIX веках. Но «цифра» является не менее грозной энергией, чем атомная. И подобно атому, «цифра» может быть как мирной, так и немирной.

Вполне возможно, что мы сейчас переживаем некий «железный коллапс», аналогичный «бронзовому коллапсу» трехтысячелетней давности. Духовная сущность этого «коллапса» заключается в постепенной десакрализации ценностей железного века. «Железо» победило «бронзу», «цифра» хочет победить «железо».

Русская лингвокультура зародилась и развивалась в сакрально-зрелый период железного века. Ее сакральность (в широком смысле этого слова) очевидна. Многие, казалось бы, далекие друг от друга формулы из разных эпох и сфер русской жизни, например такие, как «Москва — третий Рим и четвертому не бывать» или «Поэт в России больше, чем поэт», — онтологически родственные формулы. И даже коммунистический идеологический дискурс XIX–XX веков, как мы понимаем, глубоко сакрален (пусть и псевдо- или даже антисакрален).

Сакральный онтогенез русской лингвокультуры в настоящее время столкнулся со стремительно набирающим силу и скорость «цифровым» десакрализованным филогенезом цивилизации.

Главный показатель «сакральности» лингвокультурного онтогенеза — лингвоцентризм сознания, то есть отношение носителей языка к своему языку как к высшей духовной ценности.

Для лингвоцентрически мыслящего народа язык — это не только (и не столько) средство коммуникации (а именно так или почти только так понимается язык в Новейшее и особенно в «цифровое» время), но нечто большее: говоря словами М. Хайдеггера, «язык — это Дом Бытия». Язык — основная, базовая форма существования сакральной лингвокультуры. Все остальные формы онтологически вторичны.

В настоящее время (во втором десятилетии XXI в.) мы наблюдаем очень сложную ситуацию, одновременно и обнадеживающую, и тревожную. Ситуация глубоко противоречиво-антиномична.

С одной стороны, не будет преувеличением сказать, что мы переживаем некий ренессанс словесности, причем именно «цифровой». Сотни тысяч россиян пишут стихи и прозу, которые востребованы в Интернете. Надо отметить, что речь идет не только об откровенной графомании: встречается и множество по-настоящему ярких текстов. В художественной литературе учреждены десятки премий. Люди читают и пишут.

С другой стороны, очевидно, что современная литература, словесность больше не имеют того авторитета, какой имели еще 25–30 лет назад. Поэт в России — «не больше, чем поэт».

С одной стороны, общество глубоко озабочено состоянием языка, его чистоты, выразительности, богатства и т. д. Состояние языка постоянно обсуждается в СМИ.

С другой — язык находится под тяжелейшим «тестовым прессом» ЕГЭ. Количество часов, выделенных на русский язык и литературу в школах, постоянно сокращается, и грамотность действительно падает.

Можно было бы привести еще множество подобных хорошо известных любому словеснику антиномий состояния современной русской лингвокультуры. В конечном счете речь идет об антиномии традиционного «железного» онтогенеза и нового «глобалистски цифрового» филогенеза.

Будет ли русская лингвокультура окончательно десакрализована филогенезом цифровой эпохи и растворится в «цифровой энтропии» или отстоит свою сакральную онтогенетическую доминанту, а значит, свою «самость», выражаясь языком А. С. Пушкина, свое «самостоянье» — зависит от всех и от каждого из нас.